

18+

Алмаз Браев

ДВА ТОТАЛИТАРИЗМА

TWO BROTHERS

Алмаз Браев

Два тоталитаризма. Two brothers

«Издательские решения»

Браев А.

Два тоталитаризма. Two brothers / А. Браев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502772-6

Теория Браева подсказывает общую тенденцию развития событий, которую следует ожидать. Но в процессе самой динамики развития событий начинает вмешиваться его величество случай. Да и роль личностей ещё никто не отменял. Самое важное, что можно получить: мотивацию действий и структурную последовательность втягиваемых социальных прослоек. Не стоит ожидать от логического инструмента чуда, как и недооценивать сильные стороны.

ISBN 978-5-00-502772-6

© Браев А.
© Издательские решения

Содержание

Введение	7
Глава I	8
Как сделать карьеру	8
Глава II	11
Почему честность есть слабость	11
Глава III	13
Почему старший сын – фашист, младший – коммунист	13
Глава IV	15
У номадов все сыновья на одно лицо	15
Глава V	17
Младшие как социалисты идеалисты	17
Глава VI	18
Элита превращается в старших братьев	18
Глава VII	20
Коммунист Тельман в роли Ивана дурака	20
Глава VIII	22
Ремиды государственники	22
Глава IX	25
«Нет никакого государства!»	25
Глава X	27
Есть ли уровни у тоталитаризма	27
Глава XI	29
Уроборос	29
Глава XII	31
Без ремидов нет тоталитаризма	31
Глава XIII	33
Призраки наследства разного вида	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Два тоталитаризма

Two brothers

Алмаз Браев

© Алмаз Браев, 2020

ISBN 978-5-0050-2772-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержание

Введение

Глава I. Как делать карьеру

Глава II. Почему честность это слабость

Глава III. Старший фашист, младший коммунист

Глава IV. У номадов все на одно лицо

Глава V. Младшие социалисты идеалисты

Глава VI. Элита превращается в старших братьев

Глава VII. Коммунист Тельман

Глава VIII. Ремиды государственники

Глава IX. Нет никакого государства

Глава X. Уровни тоталитаризма

Глава XI. Уроборос

Глава XII. Без ремидов нет тоталитаризма

Глава XIII. Наследство

Глава XIV. Почему Маркс понравился в России

Глава XV. Направо нацизм, налево коммунизм

Глава XVI. Во Франции не было фашизма

Глава XVII. Волчья яма

Глава XVIII. Три тоталитаризма

Глава XIX. Реакция

Глава XX. Честное имя важно

Глава XXI. Немцы не воровали

Глава XXII. На кого мы похожие

Глава XXIII. Люди своего пути. Виват Италия!

Глава XXIV. Это время войны.

Глава XXV. Традиция. В чем смысл.

Глава XXVI. Куда потекут события.

Глава XXVII. Первая мировая родилась так.

Глава XXVIII. Пирамида дает фашизм

Глава XXIX. Когда традиция против народа.

Глава XXX. Ни бог, ни царь и не герой...

Глава XXXI. Если долго смотреть в бездну.

Глава XXXII. Пример как колхозники развалили государство.

Глава XXXIII. Почему законы безродных нравятся.

Глава XXXIV. Почему нет демократии и не может быть.

Глава XXXV. Какая новая плата.

Глава XXXVI. Мировая война идет.

Глава XXXVII. Что ждет через 10 лет.

Глава XXXVIII. Обобществление как признак коммунизма.

Глава XXXIX. Коммунизм есть, войны нет.

Глава XL. Штурм неба.

Глава XLI. Тоталитарная торговля.

Глава XLII. Машина Маркса.

Глава XLIII. Троцкист Хрущев

Глава XLIV. Беременный маршами.

Глава XLV. Ошибка Троцкого. Вероятное время китайского термидора

Введение

Как так получилось, что советский режим справедливости и интернационализма приравнивают к бесчеловечному режиму нацизма? Про СССР мы слышали как про «Империю зла». А сегодня он оказался равным фашистской Германии. Надо сказать, это соединение формальное. Оба режима как в СССР, так и в Германии исповедывали диктатуру. Были правящие партии и были вожди диктаторы. И конечно же не было демократии. Демократия сегодня победила, одержала верх над тоталитарными режимами. Поэтому победители особо не отличаются щепетильностью. Нет прав человека – на сегодня самого главного значения, значит идите на свалку истории неразлучной парой.

На самом деле нет ни коммунизма и нет фашизма. Это все условности диктата. Условность воли правящей группы во главе с вождями. На самом деле то, что именуется коммунизмом и фашизмом, является традиционной схемой. Так веками строилась, а проще говоря жила традиционная семья. Во всем мире. Только именно в Германии и в СССР традиционная семья и ее выражение произошло через государство. То есть у данных народов родство оказалось выше интереса, коллектив выше индивидуумов. Остался только один вождь и его люди. На самом деле один отец народа и его сыновья. Может кому то покажется странным и удивительным, но вся разница между коммунизмом и нацизмом на самом деле есть разница не только «возраста» народов. Что они позже других встали на тропу рынка. Разница еще и в том, что нацизм – это показатель рыночной молодости, а коммунизм рыночного детства и младенчества. И если мы берем государство как традиционную семью, то нацист в данной семье – старший брат, а коммунист – младший брат. Оба они подчинялись отцу.

Весь 20 век велась самая радикальная борьба с традицией и традиционной семьей в частности. Только в СССР и в Германии на рыночный прогресс и всеобщую свободу ответили тотально и на уровне государства. Это была борьба за старую и новую традицию.

Глава I

Как сделать карьеру

«Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят чёрные».

Братья Стругацкие

Кого они выбирают и почему (отрицательная селекция).

Командно – административный стиль.

Все знают что такое командно -административный стиль руководства?

Откуда он возник? Откуда растет философия тоталитаризма?

Советским людям объяснять не надо. Все они жили при командно -административном строе, именуемом чаще социализмом, эти слова произносят иногда вместе иногда по одиночке, но это сути не меняет. Буквально – это такой стиль, или организация, когда неинициативное большинство, можно называть это меньшинство народом, социумом, бригадой или колхозом подчиняется руководителю – начальнику разного уровня и калибра – директору или секретарю, генералу или завхозу. Начальник – руководитель поменьше типа директора или бригадира приходит и сообщает всем волю (план, инструкцию) секретаря, а секретарь взял волю генерального секретаря. И все начинают сообща решать эту волю – план в зависимости от количества работников. Пролетарии, рабочие, колхозники работают значит, выполняют план – волю, вся страна выполняют, напрягаются или делают вид. Агитаторы обсуждают нужность и важность на пламенных или лицемерно пафосных, или просто формальных и нудных, смотря какой уже опыт, собраниях, труженики проливают три ведра пота, а может тоже делают вид, механически на автомате каждый день ходят на работу, что не освобождает никого от ответственности, хотя бы даже моральной.

Предположим один вариант из ранних вариантов, когда ответственность была не только моральной: выходит начальник исправительно -трудового лагеря для врагов народа и сообщает: «Сегодня план повышается на 5 процентов. Каждый день теперь будете давать на 5% больше». Зэки молчат. «Есть вопросы?», – спрашивает начальник лагеря. «Нет вопросов». Конвойный! Тут из смурной, безлико серой, тоскливой толпы раздаётся: «А пайка будет увеличена, начальник?». «Кто сказал?», резко отреагировал начальник лагеря. «Шаг вперед!».

Конечно никто не будет делать никакие шаги. Если начальник не повторит. Здесь приводится гротескный вариант командно -административной крайности: я начальник – ты дурак, а условному дураку слова не давали. Все, кто научен своим жизненным опытом знает, что в такой системе инициатива наказуема, она почти такая же лагерная наглость. Лучше смешатся с толпой и тогда через тебя никто из начальников отыгрываться не будет. А начальник конечно захочет отыграться, чтобы показать другим, бей своих, чтобы чужие боялись. В лагере начальник лагеря может назначить бур, карцер, на воле начальник просто поднимет смельчака на смех или попытается это сделать, чтобы показать, кто в доме хозяин.

Почему в народе говорят молчи.

Сойдешь за умного или смиренный телок двух маток сосет. А ведь на самом деле. И это не простой пересказ народной мудрости. Это приветствуемая парадигма общения сверху донизу. Это традиция. Смирный телок или сын строгого отца на самом деле имеет много чего, миску супа, но самое главное -большие шансы на наследство, чем строптивец или упрямец. Традиционный отец и родители не любят странных сыновей. Покладистых, послушных, может даже хитроватых. Такой сынишка тихушник наверняка приумножит семейные капи-

талы. А бунтарь все спустит на пустые фантазии или просто пропьет. Идеалисты, романтики и фантазеры по хозяйству ни к чему.

Наверху точно такая же кадровая политика.

Система ищет телков, хитроватых, послушных, лицемерных, но исполнительный и не перечаших начальству, а угождающих – почитающих. Смирные сыновья почитают любого, даже недостойного отца. Какая им разница, какой у них отец, он отец и все тут. Пусть он хоть ничтожество, вор или еще какой моральный нарушитель, главное, что он завещает дело и добро. Точно такая же кадровая политика у власти. Один в один. И карьеристам все равно, какая власть, пусть хоть тотальная, пусть хоть административно -командная. Пусть хоть коррупционно -воровская, гнилая, аморальная – хоть какая. Главное, что она пустит в закрома государства как к наследству отца. Ну разве не хочет командно -административная власть, чтобы сыновья были истинно покорными и исполнительными? Оттого начальникам не важно, что их подчиненные карьеристы и подхалимы и что они врут. Они сами когда то приспособивались, чтобы отцы их погладили. Что внизу в традиционных семьях, что во власти картина не меняется.

Провинциальная власть набирает провинциалов.

В этой системе идет контр эволюционный отбор.

Отрицательная селекция. Провинциалы не есть перед общества, они есть его зад. Отцы мещане и секретари партии выбирают одинаковых телков по своему образу и подобию. Отсюда такая система застоя и загнивания. В центре государства сооружается овин. Система приспособленцев не имеет другой морали и другой идеологии, кроме традиционной, что есть традиционная мораль выживания. Потому в центре сооружается овин или загон для коровы. Только прикладная система хороша для мирного времени и то, не очень долго. Как только возникает опасность, хозяйские люди уходят в леса или откочевывают в степь – ты меня не трогаешь, а я тебя. А пока я отсижусь до лучших времен, погуляю, помолчу. Мальчиши плохиши уступают место для подвига другим. Зачем рисковать. В момент форс мажора все потенциальные приспособленцы прячут не только себя и добро, но и улыбки. Жизнелюбивые лучезарные улыбки исчезают за губами. Они тут не просто сосут языки, они тут просто молча губами хлопают. А на сцену выходят их антиподы, – авантюристы и пройдохи. И начинают. Если конечно риск снова не велик, то это конечно будут пройдохи. Если риск будет запределен, то пройдохи будут за кустами со своими жизнелюбивыми приспособленцами братьями. Это больше подходит для героизма современных майданов, когда толпой можно управлять, как стадом алчных, эгоистичных животных.

Пройдохи и циники – это новый вариант смиренного телка до поры. Они знают, что все равно выиграют на финише, когда фишка ляжет как надо. И лохи избиратели сами принесут свои гроши, а не их нищие отцы. Взбесившиеся граждане сами принесут, потому что они не признают отныне смиренных и удобных правителей.

Но когда же на сцену выходят настоящие герои?

Это когда от любой ситуации старший – младший, отец – сын, начальник – дурак нет никакой выгоды смотреть преданно в рот. В то же время нет выгоды обманывать осатаневшую и озлобленную толпу так называемого электората, которую много раз меняли на ласку от очередного начальства самые смиренные телки протеже. Причем те же активные или креативные новые телки прекрасно знают, что хочет осатаневший и озверевший электорат. Он никакой справедливости не ищет. Он хотел быть смиренным сам. Но его надули и обокрали. Каждый хотел.

Это культура такая.

В традиционной системе в независимости от существующей идеологии власть сама выбирает телков – самых смиренных и удобных. В это же самое время народ изображает покорность до уровня тупости, потому что в традиционной системе – это единственный способ сделать

карьеру. Независимо от идеологии! Это просто по моде сначала говорили про социализм. Или говорили, преданно и пафосно во имя шанса. Потом те, кто говорили, это социализм это великое изобретение, легко разменяли социализм на рынок. Кто больше всех говорил, тот и поменял. А почему? Потому что выгоднее другое уже.

Надо смотреть преданно и по другому, но креативно. Весь народ по привычке делает преданные глаза до сих пор. Как это делают все существующие лидеры вчера, а они сегодня. Каждый в толпе надеется, что его тупой взор понравится очередному начальнику (лагеря). Это такая культура, как вы не хотите это понять! Если народ традиционный, ему не важно, какая там идеология в кабинетах какие знамена развеивает ветер. Каждый традиционный сын хочет получить наследство. Потому он молчит и преданно смотрит в даль. Но не в даль, а куда надо.

А теперь аферисты или другая ипостась телка – сыны майдана. Что хотят они и куда смотрят. Но вы то прекрасно знаете куда. Они уже выбрали крышу. Самую сильную нацию мира. И деньги. Но они смотрят смиренно и преданно не только туда. Они смотрят на беснующуюся и в то же время смиренную в своем корне толпу, которая сама была бы не прочь смотреть смиренно, но терпение вышло. И вот эти взоры встречаются. Толпа признает, что ей активисты – новая эманация телков врут, просто смиренные поменяли моду, но и понимает, что сегодняшнее выражение преданности совсем другое, чем было вчера. Они все хотят сосать. И сосать у маток на халяву. Просто сформировалось поколение халявщиков. Они не просто показывают отрицание морали лагеря. Они в лагере устроили последние танцы. Один день, но зато он мой!

Глава II

Почему честность есть слабость

В традиционном мире нет понятия честность. Скорее всего современные люди под честностью понимают открытость. Для своих братьев и сестер зереф должен быть понятным как степной ветер. Под честностью надо понимать ответственность. А еще вернее понятие долга, хотя для зерефов обязанности, возлагаемые на них, и есть ежедневный долг родственника. Кому придет в голову заботливого отца называть честным? Он никакой не честный. Он выполняет, что обязан делать – заботится о детях. О жене, о семье, а уже потом и прочие обязанности у него. Если он их не будет исполнять, то его осудят всем племенем. Осудят и изгонят из коллектива. Каждая единица для народа важна. Поэтому все зерефов обучают или воспитывают с самого детства: каждый в роду выполняет свою роль в зависимости от возраста. А значит и от силы. Каждый мужчина не только добытчик, но и воин. Воина никак нельзя назвать честным. Скорее героем. Или трусом.

Отношение к враждебным племенам прямо противоположенное. Зерефа соседнего племени также воспитывали, как и зерефа этого. Поэтому они герои, если соседний род будет повержен. Если один зереф сбежит, что маловероятно, потому что трусости его не учили, только мужеству, то он будет для народа трусом. Еще будет трусом, если сохранит пленному врагу зерефу жизнь. Вот этот момент жестокости и отсутствия компромисса нам поможет понять, почему у зерефа честность есть слабость.

Кроме ответственности перед коллективом родни, зереф желает быть выше. У зерефов есть зерефное честолюбие. Они хотят быть выше всех, все время казаться почетными людьми.

Если мы берем людей совершенно дикими, только для того, чтобы понять мотивы в самом естестве. Современные зерефы не менее честолюбивые. Они все время должны казаться авторитетнее других зерефов. Чем больше авторитета, тем больше почета. Зерефная элита – зероты живут очень хорошо. Они могут не работать даже. Родственники принесут все необходимое сами. Эта ярко выраженная тяга быть, выглядеть элитой, при этом не забывая о своей семье и своих интересах, пожалуй, самое очевидная на сегодня качество. Именно с отсутствием честности, которая есть ответственность зерефу легче жить. Отвечать не надо, он может ни за что не отвечать, даже быть неподсудным современному суду, если он такого высокого ранга. Что услугами ему, другие традиционалисты получают свою выгоду.

Честность подразумевает коллективизм. Честность -это придумка цивилизации. Если зереф будет честным, он оставит себя и свою семью голодной. Он почти пожалеет врага по аналогии с первобытным условием малодушия. Таким образом, современный традиционный человек окажется перед выбором – расти, становиться авторитетным и содержать семью, кормить своих детей или проявлять малодушие – быть честным. При этом другие зерефы его не поймут, если он выберет честность. Честностью он будет работать не на свой один род, а на весь народ. Он будет подобен авторитетному зерефу от сразу двух враждебных друг другу племен и даже больше. Вся культура родового мира говорит, что это противоречит окружающей природе. Не могут два рода пастись на одном и том же участке. Не может природа обеспечить сразу два народа едой. Все племена есть большие индивидуалисты. Их эгоизм обусловлен скудностью ресурсов и бедностью техники освоению природы. Вот потому то в трудные моменты экономического кризиса малорефлексивные люди самые живучие. Они не задумываются о честности, они ее не знают просто по культуре.

Если какой правитель захочет быть честным у народа традиции, он очень рискует. Он рискует быть плохо понятным. Он рискует прослыть чужаком и манкуртом. Мало кто захо-

чет ему в этом помочь. Тем более если другие зерефы уже увидели, чем можно поживиться. А при рынке многие традиционно воспитанные увидели множество так называемых рыночных соблазнов. И уже тем более, что после овладения большими деньгами, никто не захочет вернуть их назад. Таким образом у равенства нет шансов. У равенства еще более нет шансов, если людей нетрадиционных, не зерефов будет поменьше. Ведь все остальные традиционные люди их поймут. В традиционном мире таким образом, если и есть справедливость, то она специфическая. Справедливо или просто даже хорошо, а не справедливо, что хорошо тебе и твоей родне. Вот так будет яснее для понимания поступков зерефов.

Глава III

Почему старший сын – фашист, младший – коммунист

Что мы знаем о фашизме? Из советских политических словарей – справочников мы знаем, что фашизм есть реакционное течение мелкой буржуазии. Фашизм представляют жупелом, человеконенавистническим течением морали.

Родиной зарождения фашистского движения считают Италию 20 -х.

Но больше всех конечно фашизмом связывают нацистский режим Третьего рейха.

Фашистские государства исповедуют монополию государства, говоря понятным языком государственно монополистический капитализм. То есть они не отрицают рыночные отношения, но стараются рыночную анархию поставить под контроль нацистской идеи. Идеиные чиновники, в данном случае чиновники нацисты были противопоставлены космополитической бирже. Так в фашистском движении проявились элементы патернализма и стали очевидными. На самом деле нацизм оказался продолжением немецкой феодальной традиции. Никто не удивился на сказанное? Одно вырастет из другого, нет ничего удивительного. По какой причине она оказалась настолько гипертрофированной, это вопрос другой темы. Но немецкий этатизм или крен в сторону государственных интересов не появился на пустом месте. Немецкий этатизм произошел из немецкой культуры, а та в свою очередь из немецкой истории. Тут же здесь уместно конечно вспомнить конечно и про экономическое запаздывание Германии в развитии, как ее бывшая раздробленность оставила немцев без колоний, а следовательно без дополнительных ресурсов. Да, это так. Но как немецкая культура обернулась в милитаризацию немцев. Разве не сами немцы, их герцоги, бароны, графы больше всех сопротивлялись объединению? Автаркий из автаркии. Точно также милитаризация произошла из традиционного немецкого феодализма. Немецкий чиновник оказался почти что немецким средневековым рыцарем. Но почему он стал нацистом, а не биржевиком космополитом, как это случилось в другой цивилизованной Европе?

Старший брат.

Как немецкая семья этому могла поспособствовать?

Как немецкий чиновник стал дико воинственным?

Мы могли бы обратиться к немецкой традиции. Чтобы найти в ней истоки этатизма. Мы нашли его в немецком феодализме. Другие скажут, а почему такой же этатизм не проявился в Европе в другом месте? Радикальный крен в сторону государственных интересов это не только болезнь немцев. Но именно у немцев он стал радикальным. Абсолютизм как бы вырастает из абсолютизма. Тоталитаризм из тоталитаризма. Патернализм из патернализма. Ничего нет лишнего. Итак, в чем причина?

Любой европейский отец передает наследство старшему сыну. Не только немецкий. Этот старший сын не только наследует земли и вещи, он передает привычки семьи свои детям. Вот так вот складывается традиция, вот так и получается народ. Отцы смотрят на старших сыновей, а сыновья стараются перенять отцовский вид. Во всем ему подражают. Передача из поколения в поколение характера отца, его поведения, стиля и создает данный народ. Когда отцы видели, что старшим сыновьям (именно старшим!) не хватает земли, не хватает наследства, они вооружались и шли в поход. Так вооружился весь феодальный народ. Но идеологами были как раз старшие сыновья, те самые, что перенимают и передают традицию от отца к сыну.

На самом деле немецкий чиновник нацист не был переодетым феодалом, но был его новой копией. Он был старшим сыном немецкого бюргера. По всей Европе отцы передавали заветы точно также, через старших в роду. Именно старшие были наследниками традиции, ну

и имущества в том числе. Чтобы народ не свернул с проторенной предками дорожки, в конце концов не исчез как народ, как раз все старшие сыновья за этим следили. Одни старшие старели и передавали другим старшим. Те в свою очередь также старились, но успевали научить своих старших сыновей. Все эти операции как то связаны с землей. Есть невидимая связь, сакральная единение традиции с аристократией. Единственная карьера для старшего сына – почетного карьера военного. Все офицеры в армии – сплошь старшие сыновья. Так почему же с приходом рынка этим старшим офицерам было бы не поддержать нацистскую идею? Офицерами становились и младшие сыновья. Если старшие наследовали все имущество. Младшие, поступив на военную службу, поддерживали сам институт традиционной семьи и общества.

Вся Европа 20 -х и 30 -х годов была под властью военных. Многие режимы: в Венгрии (адмирала Миклош Хорти), Румынии (маршала Антонеску), Польше (маршала Пилсудского), Португалии (генерала Де Кошты), Испании (генералиссимуса Франко) не доросли до нацизма, до идеологии тотального превосходства, но были авторитарными режимами, диктатурами. Но они были очень похожими на немецкий режим.

Если вы заметили связь правого тоталитаризма, правого этатизма с майоратом, то есть с институтом передачи наследства старшим сыновьям, то теперь посмотрите, что делают в это время сыновья младшие.

Особо пристально попрошу посмотреть на Россию. Кроме того, придется рассмотреть в развитии движении анархистов Италии, Испании и России одну и ту же проблему. Эта проблема не столько вывода анархизма на арену чуть раньше авторитарных и тоталитарных режимов, сколько выхода проблемы младших сыновей наружу. Иными словами всякий левый, леваческий и прочий протест и темы равенства и социальной справедливости завязан на проблемах наследства и отсутствия его у младшеньких.

«У старинушки три сына: Старший умный был детина, Средний сын и так и сяк, Младший вовсе был дурак....»

Глава IV

У номадов все сыновья на одно лицо

тарший сын потому умный, что он делает как отец. Старший сын – это отцовская копия. Он не может быть глупым по определению. Все старшие сыновья степенные, важные, ходят строго, говорят мало. Где вы видели стариков, говорящих без умолку и пересекающих деревню из конца в конец? Нет таких стариков. У пожилых людей мало энергии. Они ее уже израсходовали. Точно также не заметно и старших сыновей. Хотя энергии в них еще много. На пустяковые дела старшаки ее не потратят. За ними все наблюдают. И самые первые глаза в этом наблюдении – глаза младших. Младшие первыми получают подзатыльники от старших за непристойное поведение и глупую выходку. Есть ли с младших спрос? Никакого. Оттого все младшие – балованные поведенческие беспризорники. Дурачки, почти как в сказке у сказочника Ершова. С

Если подобным сыновьям передать наследство, то как же они им распорядятся? Да никак. Они его пропьют, растрянжируют, – прогуляют. Как же это похоже на пропагандируемое рекламой поведение – бери, гуляй, пользуйся моментом, живем один раз! Если бы младшие сыновья не воспитывались у старших братьев, то всех младших сыновей можно было бы записать в демократы и рефаги. Каждый, кто хоть немного сталкивался с традицией в своей биографии, а таких не мало, если не все, он не сможет быть демократом, даже если и самый младший в семье. Для того, чтобы младший превратился в полного традиционного дегенерата и реформатора, необходим некоторый срок традиционного же вакуума. Это человек должен быть оторван от традиции, не иметь старших братьев. А может просто – единственный ребенок в семье. Тогда никакого спроса. Только потакание прихотям. Тут идеология гедонизма в самый раз подходит. Не оттого ли у молодежи популярны идеи свободы и рыночного общества. Ведь это паства другая, толпа городская.

Таким образом, для рыночной апологетики и всякой прочей безыдейности нужно найти поколение, рожденное без соприкосновения с землей (с деревней, аульной родней, без родственников вообще). Все эти молодые люди – дети первых горожан, а может быть и сами есть зеремиды. Только не попавшие в отряды самых преданных людей правящей автократии. Они теряют перспективу и подобно все младшим сыновьям как бы лишаются наследства. Но это условное наследство должно дать и государство. Но они видят, они знают, им еще внушают, что они не увидят ничего. Уже все схвачено и прибрано действующей элитой. Им говорят со стороны: «Они делиться с вами не будут».

Теперь, а кто же попал в отряд избранных, условных старших сыновей авторитарного режима? Кто тут большие чиновники?

Ведь все чиновники на свете ведут себя одинаково. Но если новая автократия сложилась и наложение рынка на традиционный народ, традиционное основание?

У номадов старшие сыновья ведут себя также, как и старшие сыновья Европы и России. Их также невидно. У номадов же минорат. С родителями остаются младшие сыновья. Старшие уходят. Хотя им также нарезают участки. В современных условиях старшим не остается другого пути, кроме пути гасконца Дартаньяна. Но попадая в мегаполисы, они в отличие от француза снова очень покладисты и терпимы. У номадов трудно отличить, кто есть кто. По культуре все сыновья ведут себя как будущие наследники. Они такие же тихие и ловят все движения правителя. Автократия сооружается само собой. Она вызывается к жизни и обстоятельствами момента, и вообще самой азиатской культурой. Все зерефы и зеремиды хотят быть чиновниками, то есть наследниками у государства. Но много званных, как говорят у русских, да мало

избранных. Попастъ в новую элиту всем невозможно. Оттого все неопытные зеремиды начинают шептать пока робко за своими зазывалами: Свободу! Демократию! Кет! Они то как раз был погружены в традицию полностью. Но видя бесперспективность молчания и перспективность бунта просыпаются от спячки и собственной культуры. Они хотят отбросить культуру, усвоенную в поселках. И оттого также напоминают младших сыновей, баловней родителей. На самом деле первоначального рынка, первых денег и большого аппетита. Они вообще бы ничего не имели. Но тут заимели. Аппетит приходит во время еда. А тут скорее еще и жадность.

Глава V

Младшие как социалисты идеалисты

Вы не найдете идеалистов среди старших сыновей. Даже в среде городской интеллигенции старшие ведут себя так, как будто это переодетые в современные костюмы предки. Все их мысли направлены исключительно на размножение. Подобно всякой плодovитой черни эти старшие сыновья бродят в дебрях кварталов в поисках некой своей любимой. Единственную идею, которую они понимают и которую им подбросили поэты – это любовь, если под любовью можно увидеть что то больше чем размножение (с предварительными танцами самца вокруг самки с воздыханиями, бессонницей и спотыканием). Старшие сыновья – это ревнители старого порядка. И вот эту самую любовь, на самом деле старое размножение они понимают как порядок. Только как порядок векового размножения (как выяснилось теперь со стихами) И государство должно им в этом помогать, а они государству.

Младшие же совсем не такие. Помимо того, что они есть те самые поэты, что придумали любовную поэзию, они еще и рыцари без наследства. Это дорожные бродяги в постоянном поиске подвига и конечно же он – крестonosцы. Кто если не эти самые младшие, эти безродные бастарды, что заполонили земли, могли откликнуться на идею освобождения гроба Господня? Они самые и есть. Старший в семье он один, а младших много. Младшие – охотники за удачей среди самых низов, от разбойников до пиратов, но все младшим рыцарям на свету нужна идея, иначе они никуда не сдвинутся. Идея в младших подобна будущей славе.

Точно также всех младших в России начала 20 века охватил и подчинил себе марксизм. Что мы знаем о марксизме?

Что он подобно любви и половым сношениям доступен всем на свете. Все вне зависимости от возраста, пола и материального положения могут заниматься, внедрять, реализовывать марксизм. И дворянин типа Ленина, и сын сапожника Виссариона – одновременно и попеременно. Оба революционера не есть старшие сыновья. Потому их потянуло на подвиги. Во имя торжества мировой социальной справедливости.

Собственно за эту самую справедливость марксизм понравился народам, мало кто что то соображал в фундаментальном марксизме. А кто там из большевистских и меньшевистских рыцарей марксистов разобрался в марксизме?

Марксизм понравился люду именно оттого, что это была многочисленная алчущая земли толпа младших сыновей, и в придачу к ним дочерей всех возрастов, что вышли за этих младших замуж или ходили еще в невестах.

Глава VI

Элита превращается в старших братьев

Что же получается, что в Германии было меньше детей в семье, чем в России?

В связи с чем этот вопрос? Мы же не хотим отвлекаться от того, что в Германии одержала верх партия нацистов, то есть крайне правых, а в России партия наоборот крайне левых, – за социальную справедливость. Почему немцы увидели справедливость в своем национальном (этническом) превосходстве, а русские в равенстве, ну хотя бы и уравнительного материального свойства. Если уделять меньше внимания общей бедности и отсталости России, то можно заметить в отряде русских революционеров многочисленность инородцев, а еще интересней – евреев. Как мы уже выяснили, что старший сын у любого народа будет всегда консервативен, за существующий порядок. Делай что хочешь, но он, как и его отец, будет ретрограден. И только у евреев, снова как и у номадов современных не понятно, кто какой по возрасту сын. Будем считать, что это большая добавка в революционный отряд интернационалистов, да еще и самая интеллектуальная идейная. Хотя сам Карл Маркс говорил, что из всех интересов этого мира им ближе одни только деньги. Как видим, это не так. Во всяком случае в революционном поколении нет ничего неувидительного.

Кроме того Германия, хоть и отстала в рынке от других европейских крупных держав, но она значительно превосходила Россию по степени индустриализации. Это означает, что концентрация ремидов, самостоятельной мыслящей, ответственной элиты (по ревкону), была также значительна. Урбанизация есть урбанизация.

Если рассматривать в призме традиции, то Германия была на 1/3 традиционной, а Россия на 4/5. Толпа зеревов и зеремидов огромными массами кочевала в города и там оставалась, осваивалась не по своей воле. Самой главной причиной подобной миграции, подгоняемой еще и сверху, как всегда в России, был кризис. Да и во всем мире главный катализатор и культурного кризиса, и толпы «идейных» людей – это экономический кризис. Кризис, как лишение наследства всех наследников сразу. Чтобы это было более понятнее в рамках темы старших и младших сыновей.

А вы не заметили, как деградирует так называемая условная элита общества во время голода? Если вы не видели настоящего голода, то хотя бы во время распределения продуктов в очередях и по карточкам. Это еще ничего. Если толпа горожан стабильна и стоит на одном месте. Но если так называемая элита еще и мигрирует из бывших союзных республик в Россию, то есть она подобна бегущим от коллективизации крестьянам, она превращается в этих самых свежих горожан. С подобной миграцией вся прошлая элита, выдающихся горожан на своем прежнем месте, превращается в «старших сыновей» на новом месте. Они, эти прошлые ремиды, подобны зеремидам и даже зеревам. Они деградируют на целое поколение. Им нечего передавать своим детям. А детям наследовать от них. Они все превращаются в национально озабоченных патриотов. Это чтобы было понятно, как нация Гете, Шиллера, Баха превращалась в условных дикарей (с точки зрения левых гуманистов). Если вся группа прошлой элиты разоряется, унижается, опускается, то они становятся нацистами, патриотами, агрессорами, что вполне естественно.

Если же в государстве всего два важных мегаполиса, а население остается почти что традиционным, тогда это время энергичный – младших сыновей, алчущих справедливости.

Глава VII

Коммунист Тельман в роли Ивана дурака

Итак, чтобы наверху или главенствующими были идеи народного государства, необходимо энное количество условных старших братьев. Младшие братья берут верх, когда этого энного авторитета нет. Вся старая городская элита, все эти врачи, учителя, адвокаты и чиновники быстро превращаются в сторонников жесткой руки, авторитаризма, бонапартизма, не признают никаких бродяг с улицы, никаких пролетариев, никаких левых с их уравниловкой и социальной справедливостью. Все, что они кричали эти оборванцы под управлением своих вождей, все эти лозунги, нарисованные на маршевых транспарантах, все призывы разделить, отобрать – все это было ложью, лицемерием с точки зрения городской элиты. Никуда традиционное восприятие кастовости не исчезло. Касты остаются. Хоть при рынке они есть, хоть при социальном государстве. Кастовость принимает несколько иную форму. В момент очередного кризиса все государственные служащие и интеллигенция дрейфуют направо, превращаются в новых консерваторов. Но не в виде тех ретроградов, что хотят вернуть феодальные касты, никто еще с ума не сошел, чтобы перевернуть вспять историю Возрождение феодализма с его жесткими кастами возможно только при малой урбанизации вообще. Только у бывших номадов, у кочевников каждый кочевник – потенциальный аристократ. Для возвышения ему много не надо. Главное быть чуть выше других. Помнить свои семь колен предков. Еще лучше, когда у потомка кочевников есть должность (значит и деньги). У урбанизованных народов такое возрождение прошлого де факто невозможно. Прошлая интеллектуальная и культурная элита в виде ремидов желает прекратить этот балаган гражданского равенства, даже ценой урезания своих прав. Ведь за республику всегда – орда всех младших братьев. Именно они своей демократией, своей бесконечной болтовней, вседозволенностью приводят к кризису. На самом деле, здесь нарушили закон социальной иерархии, правители привели к кризису, а младшие готовы поддержать анархию. Если правит не старший брат, даже не отец, а желающие авторитета младшие, это неизбежно приведет любую семью к разорению. Если собрать волю всех младших в республиканском парламенте, то получится нарушение традиции в рамках всего социума. Вот так вся старая интеллигенция превращается скорее в сторонников автократии, диктатуры, а следом и нацизма, если есть необходимость объединить всех одной идеей от учителей до люмпенов.

Но постойте! Ведь в Германии в 30-х бодро вышагивала на площадях и улицах и компартия. В рядах КПП и под рукой у вождя коммунистов Тельмана было миллион рабочих. Чем же они отличались от республиканских младших братьев? Почему они были за еще более левую социальную республику? Во всяком случае на словах, в лозунгах диктатуры пролетариата.

Все, кто выступает за республику – младший брат по определению. Он уступает другим в патриархальном праве. В свою очередь тот, кто уступает в силу возраста всем братьям, тот является коммунистом. В ревконе нет никаких братьев реальных. Есть братья по рефлексии. Пролетарии – это молодые из горожан. Это зеремиды. Почему они не попали в ряды буржуазных и мелкобуржуазных демократов? Да потому что все места на рынке к их приходу были заняты. Мещане уже заполонили город. Места для выживания, а еще проще – работа осталась только на заводах.

Теперь младший брат не только в силу возраста, но и по законам традиции обязан к сроку обзавестись семьей. У него появятся дети. Он станет тоже отцом. Теперь он даже не старший брат, а отец, что еще хуже. С каждым годом он будет остепеняться, с каждым разом он будет

праветь. И наконец встанет на сторону всех старших братьев и существующей элиты. Так или не так?

Дело в том, что каждый отец является основателем династии, следовательно и семейной традиции. По чьим стопам пойдет его сын? Даже если пойдет на тот же завод...

Мог ли у немцев при более благоприятных обстоятельствах одержат верх не нацизм, а большевизм? То есть институт младших республиканцев пролетарского типа. В таком случае германская служивая элита поменяла бы свою нацистскую ориентацию и превратилась бы в сплошь интернациональную? Вполне возможно. Для всех ремидов государство превыше всего. Пусть оно будет не немецким, а интернационально немецким – какая разница? Не важно какой вождь обуздал бы рыночную вакханалию. Война войной, а обед по распорядку. Никогда и ни за что традиция не должна обрываться, а сыновья должны хоть что то наследовать.

Но самому Сталину не нужна была бы Советская Германия. Сталину был нужен немецкий вождь – младший брат марионетка, бесполой вождь Тельман. Тельман должен выполнять волю другой формы старшинства – коммунистического московского режима. Что к этому времени являлось продолжением русской феодальной традиции. Чиновники Сталина, номенклатура только назывались большевиками. Какая разница, как старшие сыновья теперь обзываются. Настоящих большевиков, мировых интернационалистов Сталин еще не перебил де факто, но отстранил от власти. Он оперся на своих «сыновей», смотрящих ему в рот, тоже почти идейно бесполой, но желающих завести семью в положенный по времени срок. По таким же законам традиции смиренный телок двух маток сосет. В русской традиции не обязательно быть самым старшим, чтобы получить наследство. В русской традиции само послушание сулило не только пирожки, но вообще любовь родителей. Любой убогий Иван, он же дурак, еще Емеля на печи не спроста такие фольклорные символы, народные любимцы.

Глава VIII

Ремиды государственники

Ну так почему же немецкие этатисты, сторонники государства выбрали все таки Гитлера, а не Тельмана? Хотя Тельман уже был поставлен в разряд второсортных немецких заместителей Сталина. В 27 – 29 годах Сталин почистил третий Коминтерн Ленина от леваков. Оставил людей похожих на себя – на свою условную «племенную» семью, ведь похожесть братьев – это не обязательная внешняя похожесть. Это схожесть характеров, схожесть инстинктов, схожесть подходов, – моральная схожесть. Но не фигура и размер личности Тельман сыграли главную роль в стратегическом выборе немцев.

Итак, немцы в отличие от русских выборщиков в 1917 году отдали предпочтение правым этатистам – нацистам. Хотя успех русских зерефов у всего мира был перед глазами. И германская коммунистическая партия была немаленькая. Где еще учение Маркса получило одобрение народов и развитие? Тут же в догонку к причине выбора немецкого народа. Всем известно, что диктатура пролетариата в разном виде ее понимания и толкования прижилась только в малоразвитых аграрных странах, а если быть более точным – в Азии. В той самой Азии, где слово деспотия оказалось созвучнее диктату. Но кого? Но почему? Только потому, что Германия не Азия?

Из истории развития всех социальных общин мира (и от Энгельса) мы знаем, государство может быть там, где есть собственность. Если есть что завещать. Если есть кому завещать.

Даже сравнение и очевидность отсталости будущих коммунистических общин не проясняет конкретики. Да, более технически недоразвиты. Да, в культуре больше эмоций и крен в сторону мифологии. Рациональные народы вообще не верят в сказки. А традиционные аграрные народы любят и сказки, и легенды. Традиционные избегают всякой рациональности. Подобные народы предпочитают авторитет, статус, уважение деньгам. Рациональный и дотошный марксизм понравился традиционным народам не содержанием, а завершением. Там, где в конце марксистского учения добро побеждает зло, там произошло замыкание крестьянской любви: совпадение мифа и марксизма, они встретились без логики по обоюдному согласию. А еще крестьяне любили землю. Вся земля – крестьянам! Больше никаких вопросов.

Но отказались ли немцы от консервативной традиции ради фюрера? Германский нацизм и был продолжением немецкого консерватизма. Все немцы объединились при обороне частной собственности. Крестьянам не было дела до собственности трестов и монополий. Они любили собственность, свои участки. И в отличие от русских у них эти частные участки были.

Нет, немцы не отказались от традиции. Они остались верными своему немецкому государству. Русские люди, народ были верны царю и Российской империи, немцы – сначала своему государству. Вы думаете, в рациональном холодном мире собственности и денег отказались от древних каст? Ни в коем случае. Учение ревкома говорит с самого начала: традиционный (зерефный) мир не имеет полутонов. Мир гражданства, рынка и денег имеет таких полутонов множество. Они как резиновые амортизаторы, прокладки между стратами, салофан с пузырьками – смягчают отношения превосходства и унижения. В буржуазном мире не видно, кто господин, а кто его слуга. Снаружи все одинаковые ходят. Только хорошенько приглядевшись, можно найти разницу. Только по очень тонким деталям видно – старожилам и профессионалам. Касты есть везде. Детали и сигналы элиты перестали кричать и находится снаружи, чтобы за сто шагов было видно, кто есть кто. Это у первобытных народов все достоинства показываются одеждой и рисуются узорами на лице.

Немцы остались верными традиции немецкими полутонами. Они не стали переворачивать свою социальную пирамиду. Они не уничтожили свой средний класс. Потом ради власти и земли они не убивали дворян с помещиками. Очевидно, у немцев касты были помягче, перегородки между стратами прозрачнее.

Ремиды – просто фанатики государства.

Немецкие революционеры, немецкие волны возмущения подобрались к ремидам точно также, как русские крестьяне подошли в плотную к своим помещикам. Но не ликвидировали их, не забили до смерти, не зарезали, не насадили на вилы. А прислушались. Немецкие ремиды, эти немецкие фанатики Германии, второй Священной Римской империи и государства показали им знакомыми. Они увидели в них себя, но со временем. Зерёфы становятся зеремидами, зеремиды ремидами – все последовательно и эволюционно. Даже в рефлексии. (Кто такой этот учитель или врач? Его прадед или дед были такими же крестьянами, а отец мещанином. Врач и учитель – это состоявшаяся карьера. Ну не может современное государство без них).

В странах же вековой деспотии пузырь лопаётся громко, пирамида переворачивается радикально. Нет постепенности, есть прыжок. К тому же пролетарии пришли не к адвокатам, не к врачам с учителями. И врачи с учителями не рассказали им беззвучно про великое государство губами. Они представляли из себя жалкое беззащитное ничтожество, такое же зажатое и бесправное, как и пришедшие «гости».

К тому же, если возбужденные крестьяне приходили к феодалам, они не договаривались. Они их уничтожали. Крестьянский бунт, он какой? Бесмысленный и беспощадный...

Если мы посмотрим на факты. То все новые вожди «трудящихся» вырезали «эксплуататоров» подобно восточным деспотам, но наоборот: раньше тираны казнили, теперь эксплуататоров уничтожали крестьяне и пролетарии. Кто такой пролетарий? Это бывший крестьянин, оторвавшийся от корней и место рождения. Культура общения одинаковая. Не феодальные деспоты вырезали крестьянское восстание, массы крестьян, как это было не раз, а много раз за века, а марксистские вожди вырезали всех феодалов. Жертвы и палачи поменялись местами. Но что было сделано на самом деле? На самом деле с феодальной точностью были вырезаны результаты местной эволюции. Это не только проглядывается в репрессиях Сталина. Посмотрите на подвиги революционеров в Кампучии. Под корень была вырезана вся местная интеллигенция, более менее образованные люди все погибли. Даже очкарики, человек, носящий очки – враг.

Ремидов -государственников уничтожать нельзя. Средний класс нельзя трогать. Если нет желания повторения истории. Но кто про это тогда знал?

Если по марксизму или по указанию вождя азиатского крестьянства это произошло, они сами, подобно гидре, должны заменить отрубленные головы. Вместо снесенных поставить свои. Но вся проблема, что от новой эволюции проиграет государство. Поставленные, они же нововращенные головы чиновников будут смотреть не туда. Не в сторону собственности, государства, а в сторону себя, своей семьи, своего хозяйства – огорода. В идеи государства происходит провал. Остается только тело государства и вечно голодные головы чиновников -коррупционеров, уже третьего поколения от крестьян революционеров. Отчего же они такие вечно голодные?

Глава IX

«Нет никакого государства!»

Когда немецкие зереры, зеремиды пришли условно говоря к своим авторитетам, эволюционным примерам превращения из ничего в что то, – во врача, учителя, адвоката, что же они рассказали непрошеным гостям? Они им рассказали, даже если этой встречи не было вообще, вся эта связь немецкого общества условна: условность вероятного контакта я представляю в рассказе врачей и учителей своим подражателям, идущим по их следу развития и карьеры. Как состоялась немецкая солидарность? И в чем она проявилась?

Все эти врачи, учителя, адвокаты (еще лавочники, мелкие уличные торговцы по марксистским словарям) – это все есть буржуазия (тоже по марксистскому словарю), по современному толкованию – это средний класс. Так кто же к ним пришел и почему?

Экономический кризис не разбирает людей по сословиям. Но в большей степени он бьет по неимущим: рабочим, крестьянам, по служащим. Буржуазия буржуазии рознь. Как видим, и как нам преподносили: крупная буржуазия в своей неконтролируемой жадности доводит рынок к перегреву (товаров, капитала, спекулятивной массы). И от этого страдает само государство. Сначала рынок и рыночные агенты. Потом государство. Массовые увольнения рабочих приводят к безработице. Разоряются не только крупные заводчики, но конечно и мелкие спекулянты. Государство не может им помочь. Разве только выдачей бесплатной похлебки. Цены сначала высокие, государственные служащие не могут купить товары первой необходимости, потом низкие, рынок начинает заигрывать с покупателями, но служащие все равно не могут ничего купить. В этот момент все смотрят не на большего биржевика спекулянта, пусть даже самого большого олигарха, а на премьер министра правительства. Это он виноват! Он не предупредил, он допустил спекуляцию. Это он не остановил спекулянтов. Во всем кризисе обыватели винят правительство, а в лице правительства государство. Малоземельные крестьяне или арендаторы разоряются, их продукцию никто не покупает или продажа не окупает аренду. Все аграрные маргиналы устремляются в города. Это зереры – наследники традиции, присоединяются к армии безработных – городских зеремидов. Зеремиды конечно все знают. И конечно, кто виноват, – государство! Но сельские зереры идут еще дальше в своем вопросе и своем же ответе, – кто подставил правительство. Свой никогда не сделает это. На гадость, саботаж, вредительство способен только враг. Враг народа и государства. Для зереров вредитель враг народа и этноса, для зеремидов враг – премьер министр. И только для врачей учителей нет врагов. В общем и целом конечно есть. Ремиды – это бывшие зеремиды и зереры. Они также называют врагов по должности, поименно даже выделяют этнически. Но ремиды – государственники! Именно на них на самом деле держится общество. Поэтому они согласны, что виноваты чиновник, но они не согласны, что виновато государство! Государство – это свято. Только государство, земля отцов, алемания, фатерлянд существует на свете. У ремидов высокая рефлексия. Они могут отказаться от частности. Но они спасают государство, объявляет его невиновным. Именно совпадение низких потоков, низких нот, издаваемых зерерами и высоких тональностей исходящих из связок среднего класса вызывает к жизни германский этатизм в виде нацизма. Беззвучные воззвания улавливаются вождями зеремидов, как правило также выходцами из провинции и детьми сельской интеллигенции и превращаются ими в хор, в какофонию орущих глоток. Немецкий нацизм получился совмещением зерерных обид, зеремидных комплексов с романтическим флером немецкого государства (от ремидов). Именно немецкие врачи и учителя, чиновники служащие спасли свое государство, а зереры и зеремиды гипертрофировали вину врагов. Каждая группа рефлексии дала свою долю для германского

нацизма. Концентрация среднего слоя или высокая урбанизация остановили другую версию выхода – классовую борьбу. Традиция сама подсказывает, как себя вести народу, а народ про это даже не знает.

Каждый человек и не только немец хочет завести семью. Чтобы завести семью, необходимо поднять свой статус. Чем выше статус, тем больше возможностей. Больше жен, больше детей. Одни социумы и народы видят свои возможности в достатке своего рода, этноса, другие народы – в процветании своего государства. Именно благодаря ремидам государство является гарантией процветания рода и этноса, хотя против ремидов, с ними не согласны начальные группы традиции и рефлексии. В России средний класс был ничем и не играл никакой роли. В момент кризиса состоялся диалог не с врачами и учителями, вооруженных рабочих и матросов, то есть переодетых крестьян, – роковой диалог, а с дворянами. Некому было рассказать о русском государстве и каком государстве, государстве царя и попов? Речь пошла не о государстве, а об обществе. Никакого государства! Это было самообманом всех.

Глава X

Есть ли уровни у тоталитаризма

Насколько индустриальных поколений Германия опережала Россию.

Из этого определения можно выяснить уровень общей рефлексии населения. Какой он был – зерефный, зеремидный, ремидный?

Ремидный, как мы выяснили, оставляет шансы на жизнь неформальной элите цивилизации. Даже промышленно преобразившись, Германия так и оставалась государством традиции. Все таки объединение Германии произошло сравнительно не слишком давно, в 1871 году. Молодая нация. Нация, не народ. Можно сказать так: старый немецкий народ и молодая немецкая нация. У всех молодых наций, остаются фантомные народные боли о великом прошлом. Наиболее четко это проявилось в итальянском фашизме. Муссолини хотел возродить Римскую империю. Любому пост традиционному народу нравятся мифы и сказки. Без мифов, легенд и сказок империю построить нельзя. Это всегда говорило более об аграрном населении наивного впечатлительного характера, чем об урбанизированном обществе расчета, логики и практицизма. Радикальные любители легенд с уклоном на доминирование Рима – Италии – итальянские фашисты перебили только местных коммунистов в 1920 году, которые опирались на равенство. Какое равенство при капитализме? Деревенские комплексы наложились на рыночные унижения. Как всегда родилась сверх идея, которая близка всем униженным и закомплексованным. Россия была по всем критериям близка к подобной традиционному аграрной Италии. Поэтому в 1919 -1920 гг итальянские социалисты захватывали заводы в промышленно развитой центральной и северной Италии по примеру пролетариата России. Италия страна активного анархизма. То есть, никакого государства!

И, наоборот, итальянцы 300 лет боролись за освобождение и объединение всей Италии в единое государство. Где государство, там и собственность, где есть государственный масштаб, там и ремиды. Итальянский этатизм принял форму фашизма. Не коммунизма. А фашизма. Это означало только одно: у итальянских крестьян, мелкой буржуазии было чувство собственности. Они ее освоили, полюбили. За два года все коммунисты, сторонники социального общества были перебиты не без помощи населения. Крупная буржуазия, владельцы заводов и латифундисты были довольны. Местная администрация была за фашистов. В России пролетариат, крестьянство пошли за Лениным, а не за Савинковым. А в Италии – за бывшим социалистом Муссолини, именно из-за рисорджименто. Итальянцы хотели порядка, они веками страдали из-за отсутствия единого государства.

Охота на ведьм.

В средние века была охота инквизиции на ведьм. Охота или поиск стрелочников были во все времена. Кто то должен был отвечать за свалившиеся на головы беды: за эпидемии, бедствия, неурожаи, голод. Эта практика виноватого без вины существовала с древних времен. Инквизиция не стала изобретать отдельные религиозные колеса. Женщины не любят женщин. Так почему бы и инквизиторам не любить самых красивых из них? Как случается беда, напасть случается с селением и даже с целым городом, так сразу все заняты поиском ведьмы. Какая то женщина призвала нечистую силу. Все селение, все живое население от мала до велика ищет причину в женской сущности. Этот уровень – зерефный. Он не опирается на факты и не нуждается в доказательствах. Зерефный уровень – уровень домыслов и черных мыслей. Это уровень неприязни и зависти. У зерефов нет полутонов. Нет оттенков. Зерефы – это почти, в данном случае, только в данном случае, собаки.

Зеремидный уровень – уровень широкой практики. В этой «охоте» уже есть конкретное лицо и даже логика. От частного к общему. Хотя в этом частном есть многое от подсознания. Но зеремиды называют хотя бы имя преступника. Они имеют такую наглость, что виновником называют даже правителя. Хотя по подсказке рефагов торгашей (либералов), часто и других революционеров. Дело в том, что традиционная практика имеет несколько идолов. Идеалов, с которыми она живет, население с ними рождается, стареет и умирает. Если десакрализовать ряд имен святых народных святых, то народу сразу нет смысла вроде бы и жить. Но если народ, солдаты к примеру, не хотят умирать за царя и отечество – это уровень зеремидов. У зеремидов есть примитивный расчет. Они все время хотят остаться живыми. Вот точно так большевики обвинили в бедах солдат, идущих на смерть, помещиков, дворян, царя и его приспешников. Царь – это не женщина ведьма конечно, это народный святой, помазанник божий. Но он был обозначен виновником всех бед. Это – зеремидный уровень обвинения.

Зеремидный уровень также, если виновником называют целый этнос. Это легко умещается посередине между темным родовым подсознанием, которое ищет внешнего врага как в первобытные времена, а он на самом деле внутри, и существующим рынком. Хитрость? Хитрость. Антисемитизм может достигать и ремидного масштаба. Но придают ему такой уровень зеремиды и ремиды второго поколения, униженные и придавленные нищетой. Если бы гордые ремиды ходили все время с поднятой головой. У них было все как прежде. Они оставались местной элитой, новой государственной аристократией, они никогда не придали бы виновности евреям большого значения. Но под воздействием возмущенных кризисом масс, сами без средств существования из-за кризиса они поддерживают и развивают тезис толпы, что всю воду в кране выпили евреи. Кто же еще?

Глава XI

Уроборос

Есть такая змея, кусающая себя за хвост. Ее имя Уроборос. Хотя она символизирует вечность или цикличность жизни. Быстрая смена государственной элиты приводит к гибели народа.

«С 1933-го по 1935 год были арестованы почти все инженеры, получившие образование до революции. Чтобы исключить возможность контактов между специалистами, власти переселяли их в различные отдаленные районы. Множество ни в чем не повинных людей расстреляли или сослали в Сибирь».

«К весне 1936 года почти все молодые люди, получившие среднее или высшее техническое образование с 1927 по 1932 год, были арестованы. Таким образом, режим сначала создал целый класс специалистов, а потом, усмотрев в нем угрозу своей власти, уничтожил его. Прежде чем ликвидировать квалифицированную техническую элиту, партия и правительство подготовили ей смену. Иначе развитие промышленности могло пойти в тупик.

Закончивших академию за два года «вундеркиндов» (так их называли на нашем заводе рабочие со стажем) назначали на руководящие должности, как только исчезали занимавшие их прежде специалисты. Эта явно спланированная и продуманная планирования она, на первый взгляд, себя оправдывала. Непосредственная задача создания класса «преданных партии, подлинно советских специалистов» (говоря языком лозунгов того времени) была решена. Однако молодым руководителям не хватало ни опыта работы у станка, ни теоретических знаний, которые нельзя получить за два года учебы. Присутствие на заводе этих «вундеркиндов» плохо влияло на рабочих, втайне их презиравших.

Как только новые, с точки зрения партии – подлинно социалистические кадры пришли в промышленность, а тысячи других – заполнили аудитории Промакадемий, началась широкомасштабная чистка опытных специалистов. В первую очередь под ударом оказались те, кто по направлению правительства учился за границей и потом пришел на смену старым инженерам с дореволюционным образованием и иностранным специалистам. Теперь их считали запятанными, зараженными буржуазным влиянием, безнадежно дискредитировавшими себя контактами с иностранцами. Фундамент, на котором строился технический прогресс в стране, начал быстро разрушаться».

Это отрывки из книги чернокожего фрезеровщика Роберта Робертсона, написавшего книгу о жизни в сталинском СССР. Человек, политически не белый и не красный, не заинтересованное в политике, сторонним взглядом оценивает ситуацию и делает свои выводы о режиме.

Как мы знаем, подобные чистки произошли не только среди инженеров, а во всех сферах государственного аппарата. Даже среди высшей номенклатуры правящей партии, также и армии, что было наиболее трагично по результатам подобного «очищения». Я давно отнес к трагическим результатам и количество жертв СССР от германского нападения. Но кому было нужно очищать страну от «врагов»? Даже Сталину – вождю СССР не хотелось жить в страхе, когда войска вермахта стояли под Москвой. Он что дурак был, так обезглавливать армию, чтобы приблизить собственный крах?

Здесь будет названа причина, перед которой даже всемогущий диктатор, перед которым до сих пор преклоняются обыватели, бессилён.

Но то, что он делал или затевал с целью оставить народ без памяти, – создать толпу преданных фанатиков, есть показатель общей рефлексии. Мы должны понимать, почему сегодня

тело государства вроде бы есть, но у тела сверху гидра из голов, которые никак не наедятся. Головы, не понимающие государства, откуда выросли?

Глава XII

Без ремидов нет тоталитаризма

Все тотальные режимы имеют не менее тотальную проблему. Выводы о тотальности являются всего лишь завершением, как если бы все увидели океан, но не реки – события, которые явились потоками для создания океана. Каплями этих рек – потоков все равно являются люди. Их мысли. Когда они только начинают думать одинаково, еще никто не знает, что из этого получится. А через время получится режим, что и будет выражением тотальности сотен тысяч мыслей. Но кто эти люди? Почему за всю тотальность отвечают вожди, а не само общество?

Конечно же одинаковость, которая соберется со временем в порядок, сначала в группу людей, потом в партию, которая укажет или соберет всех в одном месте. Прежде чем эти люди будут собраны на площадях, сначала соберутся их мысли. И прежде чем одинаковость возмущения, негодования, отрицания станет материальной (где то еще на свете), нужно найти истоки этой одинаковости. И истоки этой реакции, источником возмущения является традиция.

Традиция.

Традиционные люди соблюдают сначала свои обряды. А уже потом реагируют одинаково на кризисы. Вот и вся причина тоталитаризма. Не ищите схожую одинаковость у горожан, потерявших связи с местностью. Местностью, где родились не они, но там где еще остались их корни, живут родственники. Рефаги никого не помнят, оттого их трудно собрать. Мысли у них подобны разбегающимся по кухне тараканам. Каждый рефаг сам за себя. Каждый думает, что он личность, что что то представляет. Тотальность рефагов только собирается в собственный океан, собственный мировой порядок. Пока же мы говорим про традицию и традиционных людей. Мы расследуем, почему у традиционных своя тотальность.

Но почему из-за кризиса не все становятся нацистами. Многие зерефы знают о фашизме, но не самую его суть. Ко всем своим выводам и поведению зерефы не имеют отношения. За них выводы уже сделали ремиды. Ремиды – это элиты. Чтобы было понятно: зерефы традиции – это маленькие дети. Что им показали взрослые, то они и повторяют. Они получают готовую форму социальных рефлексов, как обычные продукты, что выращивают на огородах или выпекают в пекарнях, а они едят их в готовом виде. За зерефов все придумали не только ремиды, но и предки. Зерефы, как и все традиционщики потому так часто упоминают предков, ссылаются на их заветы, что им все время не хватает поддержки авторитетов. Авторитетами могут быть живые, даже родственники, а могут и мертвые, тоже родственники. Вместе с тем отцам и матерям поведение «завещали» родители родителей. И так далее. Это не зерефы врожденные консерваторы. Никто не является от рождения никем. Это сама жизнь превращается с рождения в бытовой обряд, не отличается разнообразием.

Но из всего ряда рефлексии конечно самые осознанные консерваторы – это зероты, они же традиционная феодальная элита (смотрите книгу Иерархический человек – Авт.). Если вывести весь ряд рефлексии – зероты, зерефы, ремиды, то ремиды – это новая элита. Учителя, адвокаты, особо выдающиеся заслуженные артисты, писатели и конечно чиновники. Чтобы предстать в виде новой элиты современности, они потратили много своей энергии. Во имя успеха и карьеры они положили свою жизнь. Мы не для того определили их элитой или новыми учителями, а они не для того понесли столько издержек и затрат, чтобы у них забрали все плоды их труда. Если хотите, то карьера в том числе и рефлексия – это труд, очень энергозатратный труд. Одни хотят вырасти материально, а другие духовно. В конце концов, они получают, что заслуживают – почет и уважение в обществе. И тут случается кризис...

Глава XIII

Призраки наследства разного вида

Старшие сыновья очень напоминают отцов. Может потому, что им предстоит получить отцовское наследство, чтобы отцы не передумали. И эта серьезность со временем стала обязанностью всех без исключения. Во всяком случае старшие сыновья все серьезные, все деловитые. Если отца нет в доме, каждый маленький хулиган знает от кого получит поощрение»

Если смотреть на ремидов как на сыновей режима. То они как раз есть старшие. Все ремиды есть лицо общества и государства. Какая элита, такое и общество. В традиционном мире, даже если он принял государственную форму, легкомысленность может подставить всех под удар. Ни одна традиционная община не будет рисковать своей судьбой. Вокруг, по периметру окружают всегда враждебные племена, принявшие форму точно такого же государства. Перспективу остаться и сохраниться имеет та семья, что передоверит соблюдать обряды серьезным сыновьям от народа. Те условные сыновья, что хотят играть и гулять, развлекаться хотят – это очень ненадежные наследники. Общество и государство рискуют. Оттого любая элита есть продукт длительного воспитания и контроля. Вот оттого ремиды все как на подбор есть старшие сыновья. В конце концов, они все уже сами отцы, если конечно успели обзавестись семьями.

Вы неверное заметили, что во время кризиса все торгующие люди либо молчат, либо превращаются в условных старших сыновей общества. Берут на себе функции жрецов, так сказать. Но рефаги -торгаши никак не могут быть жрецами, им нужны исключительно деньги и доходы. Во время экономического кризиса доходы рефагов резко снижаются. И они начинают говорить чужими голосами, наглым образом берут на себя функции элиты (ремидов). Никто их на это конечно не уполномочивал. Но если общество или горожане на 80% состоят из бывших переселенцев, переселенцы не будут спрашивать разрешения на митинги. Все рефаги, даже если они и вынуждено торгуют, режим заставил их заниматься торговлей не по своей воле, быстро превращаются в так называемый пресловутый народ. Если общество на самом деле на 80% состоит из владельцев бутиков, магазинчиков и ларьков, то конечно они есть народ, а кто же еще бунтует? Но ведь не они придумывают стратегическую инициативу. Стратегию создают, как мы выяснили, ремиды, люди второго поколения интеллигенции. То есть, дети точно таких же зеремидов мигрантов, что выбрали не торговлю на базаре, хоть и вынужденную, а учились любыми способами и путями, чтобы не торговать чем попало, а попасть в магистратуру и писать законы. Эти самые ремиды второго поколения или ремиды 2 опережают рефагов и новых зеремидов на целое поколение. То есть у них было время, чтобы сосредоточиться и обдумать план на жизнь, не только себе, но и обществу, государству. И тут рефаги, вместо того, чтобы молчать и подчиняться беспрекословно тем самым ремидам вторым, сами начинают выкрикивать стратегию вот такого приблизительно содержания: «Свободу! Демократию!» То есть перед нами второе пришествие явления под прошлым и всем известным именем буржуазии. В свое время основоположники стратегии Маркс и Энгельс сами участвовали в подобных восстаниях буржуазии и разочаровались в своих попутчиках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.